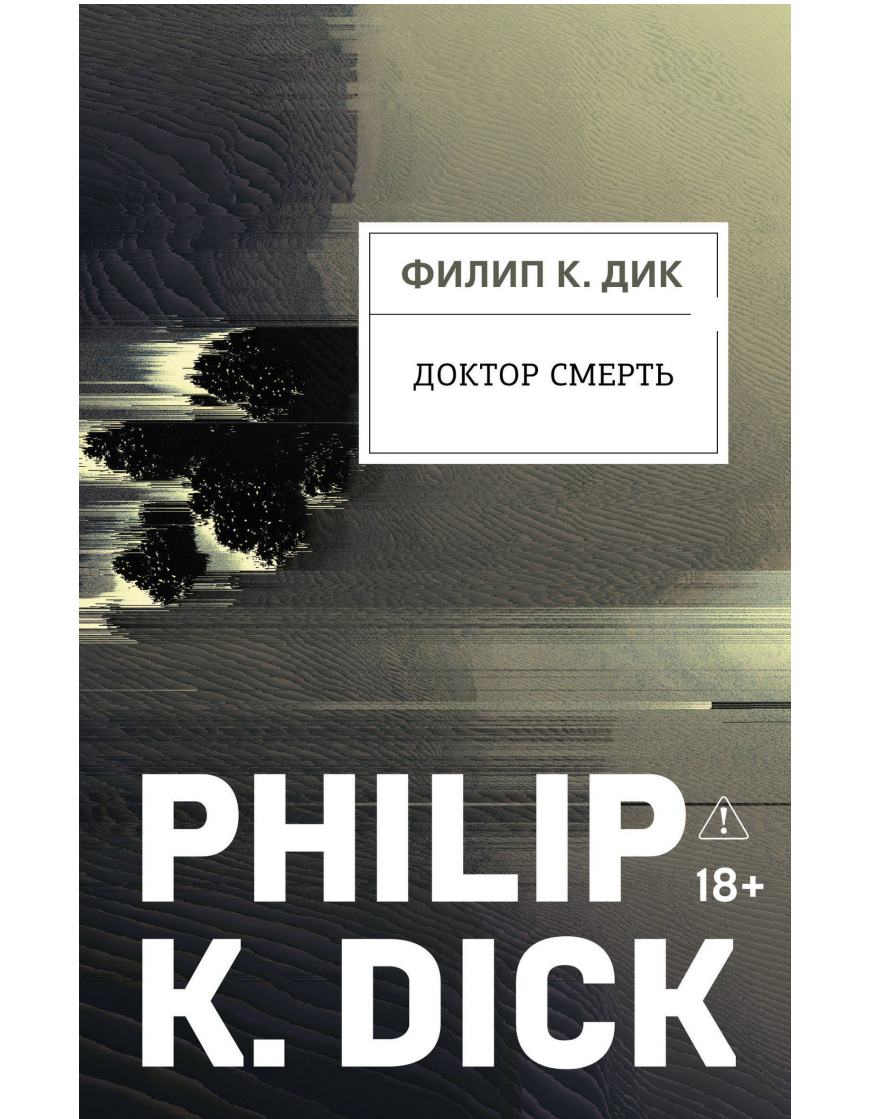

ФИЛИП К. ДИК

ДОКТОР СМЕРТЬ

PHILIP
K. DICK

18+

Филип Киндред Дик

Доктор Смерть

Серия «Филип К. Дик.
Электрические сны»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74645241
ISBN 978-5-04-256429-1

Аннотация

Финалист премии «Небьюла».

Одна из 100 научно-фантастических книг рейтинга Science Fiction: The 100 Best Novels.

Что происходит после конца света?

Доктор Блутгельд – одержимый паранойей ученый-атомщик, убежденный, что способен уничтожить мир силой мысли. После очередного визита к своему психотерапевту его страхи и навязчивые идеи лишь усиливаются. Тем временем Уолтер Дэнджерфилд и его жена отправляются на Марс в составе первой экспедиции колонистов. Но в тот же день вспыхивают костры атомного холокоста – началась ядерная война, и корабль колонистов не может покинуть орбиту Земли. Оставшись в космосе с погибшей женой и огромными запасами провизии на борту, Дэнджерфилд начинает вести радиопередачи для уцелевших жителей Земли. Его голос и транслируемая им музыка

становятся символом надежды для тех, кто пережил катастрофу и пытается наладить свою жизнь. Однако есть те, у кого нет надежды. Доктор Блутгельд постепенно сходит с ума из-за чувства вины. А калека-фок Хоппи, обладая экстрасенсорными способностями, пытается захватить власть.

Наполненный черным юмором, странными персонажами, мутантами и изобретателями, пророками и демиургами, говорящими собаками и мертвецами, роман «Доктор Смерть» показывает постапокалипсис таким, каким его мог представить только Филип К. Дик – одновременно абсурдным, пугающим и удивительно человеческим.

Мрачно-комическая история о том, как человечество пытается жить после конца света, как бы продолжающая тему знаменитой сатиры Стэнли Кубрика о холодной войне «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил Бомбу».

«Блестящий, самобытный и поразительно интеллектуальный писатель... Дик озаряет. Он проливает свет. От него исходит собственное сияние». – The Washington Post

«Лучшие книги Филипа К. Дика всегда изображают будущее, которое одновременно кажется абсолютно узнаваемым и совершенно невыносимым». – The New York Times Book Review

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Филип К. Дик

Доктор Смерть

Philip K. Dick

DR. BLOODMONEY

Copyright © 1965 by Ace Books, Inc.,

Copyright renewed 1993

by Laura Coelho, Christopher Dick, and Isa Dick Hackett

Перевод Андрея Гришина («Доктор Смерть»)
и Наталии Холмогоровой («Послесловие»)

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Ранним утром, когда восходящее солнце окрасило все ярким желтым светом, Стюарт Маккончи подметал мостовую перед входом в «Современные телевизоры. Продажа и обслуживание», прислушиваясь к проезжавшим по Шаттак-авеню автомобилям и цоканью шпилек секретарш, спешивших в офисы, ощущая эту суету и прекрасные запахи новой недели, нового времени, которое позволяет хорошему продавцу много чего достичь. Еще он думал о горячей булочке и кофе на второй завтрак – около десяти часов. Он думал, что все потенциальные покупатели, с которыми разговаривал, возможно, придут-таки, чтобы купить то, что он предлагал, и может быть, даже сегодня, и его книга продаж заполнится, как та чаша в Библии. Подметая, он напевал песенку из нового альбома Бадди Греко и думал о том, каково это – быть знаменитым, всемирно известным великим певцом, за возможность увидеть которого люди платят в таких местах, как «Харрах» в Рино или модные дорогие клубы в Лас-Вегасе, которых он никогда не видел, но о которых так много слышал.

Ему было двадцать шесть лет, и иногда по пятницам поздно вечером он ездил из Беркли по большому десятиполосному шоссе в Сакраменто или, через Сьерры, в Рино, где можно было поиграть в азартные игры и найти девушек; он ра-

ботал на Джима Фергессона, владельца «Современных телевизоров», получал зарплату плюс процент от продаж и, будучи хорошим продавцом, неплохо зарабатывал. Как бы то ни было, в 1981 году дела шли неплохо. Еще один хороший год, задавшийся с самого начала, на протяжении которого Америка стала сильнее, приросла территориями, и каждый приносил домой больше денег.

– Стюарт, с добрым утром. – Мимо прошел и поздоровался немолодой ювелир. Мистер Кроди направлялся в свой магазинчик на другой стороне Шаттак-авеню.

Открывались все магазины и офисы; перевалило за девять, и появился даже психиатр и специалист по психосоматическим расстройствам доктор Стокстилл с ключом в руке, готовый начать чрезвычайно дорогостоящий прием в стеклянном офисном здании, которое страховая компания выстроила на сверхплановые доходы. Свой заграничный автомобиль доктор Стокстилл припарковал на стоянке; он мог позволить себе ежедневно платить за нее по пять долларов. И почти сразу же прошла и длинноногая (на голову выше своего босса) красавица-секретарша доктора Стокстилла. «И, как пить дать, – решил Стюарт, глядя на все это и опираясь на метлу, – вот и первый на сегодня псих пробирается к офису доктора».

Мир нынче полон психов, подумал Стюарт. Психиатры деньги лопатой гребут. Если бы мне пришлось посещать психиатра, я пользовался бы только черным ходом. Чтобы ни-

кто меня не видел и не ржал надо мною. Он думал: «Может быть, кто-то из них так и поступает, если в офисе Стокстилла есть черный ход. Для самых больных или, вернее (поспешил он поправиться), для тех, кто не желает выставлять себя на всеобщее обозрение, таких, к примеру, у кого просто есть проблемы, скажем, те, кто переживает по поводу полицейской акции на Кубе и которые вовсе не психи, а просто озабоченные».

И он тоже был озабочен, потому что существовала немалая вероятность того, что его призовут на Кубинскую войну, которая опять увязла в горах, несмотря даже на применение новых маленьких противопехотных бомб, которые достают грязных гуков, как бы глубоко те ни закопались. Лично он не винил президента – президент не виноват в том, что китайцы решили соблюдать договор. Дело лишь в том, что вряд ли хоть кто-нибудь вернется домой с войны против грязных гуков, не заполучив вирус костной инфекции. Тридцатилетний ветеран, вернувшийся с войны, похож на какую-нибудь мушкетера, которая сотню лет сохла под открытым небом... и Стюарту Маккончи трудно было представить себе, что он после всего этого сможет справиться с силами и продолжить свою карьеру продавца стереотелевизоров.

– Доброе утро, Стю, – услышал он девичий голос и почему-то вздрогнул. Маленькая темноглазая официантка из кондитерской Эди. – С самого утра спишь на ходу? – Она улыбнулась и поспешила дальше.

– Да ничего подобного! – бросил он ей вслед и снова замахал метлой.

На другой стороне улицы скрытый пациент доктора Стокстилла, мужчина в черных тонах – светлокожий, но с черными волосами и глазами, плотно закутанный в большой плащ цвета глубокой ночи, остановился, чтобы закурить сигарету и оглядеться по сторонам. Стюарт разглядел его осунувшееся лицо, вытаращенные глаза и рот, особенно рот с туго натянутыми губами и при этом с обвисшей вокруг них плотью, как будто напряжение в ней давным-давно стерло зубы и челюсть, оставшись вечной печатью на этом несчастном лице, и Стюарт отвел взгляд.

«Так вот как это бывает? – задумался он. – Так, значит, с ума сходят? Вот так разъедает, словно поглощает...» Он не знал что. Время или, возможно, вода; нечто медленное, но никогда не останавливающееся. Он и раньше видел подобное разрушение, наблюдая за приходящими и уходящими пациентами психиатра, но никогда еще оно не было таким сильным, никогда еще не было таким полным.

В помещении «Современных телевизоров» зазвонил телефон, и Стюарт поспешил туда. Когда же он вернулся на улицу, черная фигура исчезла, и день вновь обрел яркость и аромат красоты и опять сделался многообещающим. Стюарт пожегся и поднял метлу.

«Я ведь знаю этого человека, – сказал он себе. – То ли фотографию его видел, то ли он в магазин заходил. Значит,

или клиент – старый, может быть, даже друг Фергессона, – или какая-то важная шишка».

И он в задумчивости продолжал подметать.

– Чашку кофе? – осведомился доктор Стокстилл у своего пациента. – Или чай, или «коку»? – Он взглянул на маленькую карточку, которую мисс Парселл положила ему на стол. – Мистер Три, – произнес он вслух. – Нет ли у вас связи со знаменитым английским литературным семейством? Айрис Три, Макс Бирбом...¹

Мистер Три сказал с сильным акцентом:

– Вы же знаете, что это не настоящее мое имя. – В его голосе отчетливо слышались раздражение и нетерпение. – Оно пришло мне в голову, когда я разговаривал с вашей помощницей.

Доктор Стокстилл вопросительно взглянул на пациента.

– Меня знает весь мир, – сказал мистер Три. – И мне странно, что вы не узнали меня; вы или оторваны от мира, или еще хуже. – Он пригладил трясущейся рукой длинные черные волосы. – В мире тысячи, даже миллионы людей ненавидят меня и хотели бы уничтожить. Так что, естественно, я принимаю свои меры. Мне пришлось назваться выдуманным именем. – Он прочистил горло и поспешно затянул-

¹ Айрис Три (1897–1968) – английская поэтесса, актриса и фотомодель. Макс Бирбом (1872–1956) – английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор; дядя Айрис Три. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

ся сигаретой; он держал сигарету по-европейски, горящим концом в горсть, почти касаясь ладони.

О боже, подумал доктор Стокстилл. Этот человек... я ведь и правда знаю его. Это же Бруно Блутгельд, физик. И он совершенно прав: очень много людей, что здесь, что на Востоке, были бы рады добраться до него, так как помнят ту ошибку, которую он допустил в 1972 году. Ведь расчеты Блутгельда утверждали, что взрыв на большой высоте никому не повредит, на деле же его последствия оказались ужасающими.

– Вы хотите, чтобы я знал, кто вы такой? – спросил доктор Стокстилл. – Или предпочтете остаться мистером Три? Как вам будет угодно; меня устроит и тот, и другой вариант.

– Давайте просто начнем, – хрипло бросил мистер Три.

– Как скажете. – Доктор Стокстилл устроился поудобнее и сделал какие-то пометки авторучкой на листке бумаги, закрепленном на планшете. – Прошу вас.

– Если ты не можешь войти в автобус – знаете, самый обычный автобус, где сидит десяток совершенно незнакомых тебе людей, – значит ли это что-нибудь? – Мистер Три испытующе смотрел на доктора.

– Может и значить, – сказал Стокстилл.

– Я чувствую, что они пялятся на меня.

– По какой-то конкретной причине?

– Из-за моего безобразного лица, – заявил мистер Три.

Не делая видимых движений, доктор Стокстилл поднял взгляд и внимательно рассмотрел пациента. Он увидел муж-

чину средних лет, плотного телосложения, с черными волосами и темной щетиной на фоне необычно белой кожи. Он увидел круги от усталости и напряжения под глазами этого человека, а также выражение отчаяния в его глазах. У физика была плохая кожа, он нуждался в стрижке, и все его лицо было искажено внутренним беспокойством... Но «безобразия» не было. Если бы не бросающееся в глаза напряженное выражение, это было бы обычное лицо, не привлекающее внимания в толпе.

– Видите бляшки? – хрипло спросил мистер Три, тыча пальцем в щеку и в подбородок. – Уродливые отметины, отличающие меня от всех остальных?

– Нет, – ответил Стокстилл, воспользовавшись случаем хоть что-то сказать прямо.

– А они есть, – сказал мистер Три. – Они под кожей, естественно. Но люди каким-то образом их видят и пялятся. Я не могу ездить в автобусе, не могу пойти в ресторан или театр. Я не могу посетить оперу, или балет, или симфонический оркестр в Сан-Франциско или хотя бы пойти в ночной клуб послушать фолк; если я все же войду туда, мне придется сразу же уйти оттуда, потому что на меня будут смотреть. И отпускать замечания.

– Расскажите, какие это замечания.

Мистер Три промолчал.

– Как вы сами заметили, – сказал Стокстилл, – вы знамениты на весь мир, и разве не естественно, что, когда мировая

знаменитость входит и садится среди публики, люди начинают шептаться? Разве когда-нибудь бывало иначе? Что касается неоднозначного отношения к вашей работе, о котором вы упомянули... при известном недружелюбии возможны и обидные реплики. Но в глазах публики любой...

– Не в этом дело, – перебил его мистер Три. – К этому я был готов; еще когда я писал статьи и выступал по телевидению, то ожидал чего-то в этом роде. Это мне знакомо. То, о чем я говорю, касается моей глубоко личной жизни. Моих сокровенных мыслей. – Он посмотрел на Стокстилла и сказал: – Они читают мои мысли и в мельчайших подробностях рассказывают мне о моей личной жизни. Они лезут в мои мозги.

«Paranoia sensitiva, – подумал Стокстилл, – хотя, конечно, необходимы тесты... прежде всего Роршаха. Это может быть развитая вялотекущая шизофрения, финальная стадия многолетнего процесса. Или...»

– Есть некоторые, кто более отчетливо видит бляшки на моем лице и читает мои мысли точнее, чем прочие, – сказал мистер Три. – Я заметил довольно широкий спектр этой способности – некоторые из них едва замечают, а другие, кажется, мгновенно создают гештальт моих отличий, моих стигматов. Например, когда я шел по тротуару к вашему офису, на другой стороне улицы подметал негр... Он прекратил работу и сосредоточился на мне, хотя, конечно, находился слишком далеко и не мог нахамить. Тем не менее он увидел. Я

обратил внимание, что это типично для представителей низших классов. В большей степени, чем для образованных или культурных людей.

– Почему бы это... – протянул Стокстилл, делая пометку на листе.

– Думаю, вы сами должны бы знать, если вы разбираетесь в своем деле. Женщина, которая вас рекомендовала, отзывалась о вас как об очень толковом специалисте. – Мистер Три взглянул на него с таким выражением, будто подозревал в полной непрофессиональности.

– Думаю, лучше будет, если вы расскажете мне все с самого начала, – сказал Стокстилл. – Насколько я понимаю, меня рекомендовала Бонни Келлер. Как она поживает? Я не видел ее с апреля, пожалуй... Ее муж отказался от работы в загородной школе, о которой говорил?

– Я пришел не для того, чтобы сплетничать о Джордже и Бонни Келлер, – отрезал мистер Три. – Доктор, я в отчаянном положении. Они могут в любой момент решить, что со мною надо покончить; меня преследуют уже так долго, что... – Он оборвал фразу. – Бонни считает, что я болен, а я очень уважаю ее. – Сейчас он говорил очень тихо, почти неслышно. – Так что я пообещал ей прийти сюда хотя бы раз.

– Келлеры все так же живут в Вест-Марине?

Мистер Три кивнул.

– Я провожу там лето, – сообщил Стокстилл. – Обожаю парусный спорт и при любой возможности выбираюсь в за-

лив Томалес. Вам случалось ходить под парусом?

– Нет.

– Скажите, пожалуйста, когда вы родились и где.

Мистер Три сказал:

– В Будапеште, в 1934 году.

Доктор Стокстилл умело расспрашивал его, складывая факт за фактом полную биографию пациента. Это было совершенно необходимо: сначала диагноз, а потом, если возможно, лечение. Анализ и соответствующая терапия. Известный всему миру человек, терзаемый иллюзией того, что его разглядывают незнакомцы, – как в этом случае можно будет отделить реальность от этой фантазии? Какую понадобится выстроить систему отсчета, которая позволит отличить одно от другого?

Найти здесь патологию, понял Стокстилл, будет очень легко. Очень легко – и очень соблазнительно. Человек, которого ненавидят... Я отношусь к тем, сказал он себе, на кого жаловался Блутгельд (или, вернее, Три). В конце концов, я тоже элемент общества, элемент цивилизации, тяжело пострадавшей из-за ошибки, допущенной этим человеком в расчетах. Ведь возможно – вполне возможно – из-за самоуверенности этого человека, не пожелавшего признать, что и он способен ошибаться, пострадают и мои дети.

Но дело было не только в этом. Стокстилл уже раньше почувствовал в этом человеке что-то извращенное: он смотрел его интервью по телевизору, слушал его выступления, чи-

тал его фанатичные антикоммунистические речи – и у него сложилось впечатление, что Блутгельд питал глубокую ненависть к людям, настолько глубокую и всепроникающую ненависть, что, пожалуй, на каком-то подсознательном уровне хотел допустить свою пресловутую ошибку, эта ненависть заставляла его желать подвергнуть опасности жизни миллионов.

Неудивительно, что директор ФБР Ричард Никсон так энергично выступал против «воинствующих антикоммунистов-любителей в высших научных кругах». Никсон тоже встревожился задолго до трагической ошибки 1972 года. Элементы паранойи, сопровождавшиеся манией не только значимости, но и величия, были вполне ощутимы; Никсон, тонко разбирающийся в людях, заметил их, как и многие другие.

И, судя по всему, оказался прав.

– Я приехал в Америку, – сказал мистер Три, – пытаюсь скрыться от агентов коммунистов, стремившихся убить меня. Но и здесь они не отвязались от меня... как и нацисты, конечно. Те тоже преследовали меня.

– Понимаю, – отозвался Стокстилл, записывая.

– Они все еще не унялись, но у них ничего не выйдет, – хрипло заявил мистер Три, прикуривая новую сигарету. – Потому что со мною Бог. Он видит мои нужды и часто говорит со мною. Он дарует мне мудрость, которая помогает мне скрываться от преследователей. Я сейчас занят в Ливерморе

новым проектом, и его результат будет совсем не таким, которого ожидают наши враги.

Наши враги, подумал Стокстилл. Кто же наши враги... не вы ли, мистер Три? Не вы ли – тот самый человек, который сидит сейчас передо мною и повествует о своих параноидальных иллюзиях? Как вообще вам удалось забраться на нынешний высокий пост? Кто виноват в том, что вы получили власть над чужими жизнями – и сохранили за собой эту власть даже после фиаско 1972 года? Вы – и они – вот наши настоящие враги.

Все наши опасения на ваш счет подтвердились: вы ненормальный, это доказывает ваше присутствие здесь. А так ли это? Стокстилл подумал: «Нет, не так, и, возможно, мне следует снять с себя ответственность; возможно, с моей стороны неэтично пытаться иметь с вами дело. Учитывая мое отношение... Я не могу занять по отношению к вам отстраненную, незаинтересованную позицию; я не могу быть по-настоящему ученым, и, следовательно, мой анализ, мой диагноз вполне могут оказаться ошибочными».

– Почему вы на меня так смотрите? – говорил между тем мистер Три.

– Прощу прощения?.. – откликнулся Стокстилл.

– Вам отвратительна моя уродливость? – сказал мистер Три.

– Нет-нет, – ответил Стокстилл. – Дело не в этом.

– Значит, мои мысли? Вы прочли их, сочли отвратитель-

ными и решили, что лучше бы вам не консультировать меня? – Мистер Три поднялся и резко шагнул к двери. – Всего наилучшего.

– Подождите. – Стокстилл двинулся следом. – Давайте хотя бы завершим биографический обзор; мы ведь только начали.

Немного посмотрев на него, мистер Три сказал:

– В Бонни Келлер я уверен. Я знаю ее политические взгляды... она не принадлежит к международному коммунистическому заговору с целью убить меня при первой возможности. – Он снова сел, на этот раз более собранно. Вернее, его поза говорила психиатру о настороженности; он теперь не позволит себе ни на мгновение расслабиться в присутствии Стокстилла. Он не раскроет ничего добровольно. «Он сохранит свою недоверчивость и, пожалуй, будет прав», – думал Стокстилл.

Паркуя автомобиль, Джим Фергессон, хозяин «Современных телевизоров», заметил, что один из его продавцов, Стюарт Маккончи, не подметает тротуар перед магазином, а стоит, опершись на метлу, и то ли дремлет, то ли мечтает. Проследив взгляд Маккончи, он выяснил, что продавец не любит какой-нибудь проходящей мимо девушкой, не восхищается необычным автомобилем – Стю любил девушек и автомобили, и это было нормально, – а уставился на вход в расположенный через дорогу офис психоаналитика. Вот это бы-

ло ненормально. И вообще, какое Маккончи дело до него и его пациентов?

– Послушай, – окликнул его Фергессон, торопливо шагая к дверям магазина. – Ты это брось! Вдруг ты и сам когда-нибудь заболеешь – и каково тебе будет, если какой-нибудь нахал примется разглядывать тебя, когда ты обращаешься за помощью?

– Да нет, – отозвался Стюарт, повернув голову. – Я случайно увидел, как туда вошел какой-то важный тип, но не могу вспомнить, как же его зовут.

– Только невротики разглядывают других невротиков, – сказал Фергессон и прошел в магазин. Там он открыл кассу и принялся наполнять ее мелочью и бумажками на предстоящий день.

Ладно, подумал Фергессон, погоди, увидишь, кого я взял на работу в ремонтную мастерскую. Там и впрямь будет на что посмотреть.

– Послушай, Маккончи, – сказал Фергессон, – ты ведь знаешь юношу без рук и ног, который приезжает сюда на коляске? Фокомелус² с такими ластами вместо конечностей из-за того, что его мать в начале 60-х принимала то нашумевшее средство?³ Он вечно болтается здесь, потому что хочет стать

² Производное от медицинского термина «фокомелия» – врожденное недоразвитие конечностей, при котором кисти и стопы начинаются непосредственно от туловища, напоминая ласты тюленя.

³ Речь идет о талидомиде, снотворном и успокоительном средстве, выпускавшемся фармацевтической фирмой из ФРГ в конце 1950-х гг. Из-за его примене-

мастером по ремонту телевизоров.

Стюарт застыл с метлой в руке.

– Вы наняли его?

– Да, вчера, когда ты был на выездной торговле.

Немного подумав, Маккончи сказал:

– Это повредит бизнесу.

– Почему? Никто его не увидит; он будет внизу, в мастерской. Как бы там ни было, таким людям нужно давать работу: они не виноваты в том, что не имеют рук или ног, в этом виноваты немцы.

Стюарт Маккончи снова помолчал и сказал:

– Сначала вы наняли меня, негра, теперь фока. Должен вам сказать, Фергессон, что вы пытаетесь исправить мир.

Фергессон почувствовал прилив гнева.

– Я не только пытаюсь, но и делаю, а не мечтаю впустую наподобие тебя, – говорил он, направляясь, чтобы открыть сейф. – Его зовут Хоппи. Он должен прийти сегодня утром. А тебе стоит посмотреть, как он двигает разные предметы своими электронными руками. Это просто чудо современной науки.

– Я видел, – сказал Стюарт.

– И это тебе не понравилось.

Стюарт сделал сложный жест рукой.

ния в ряде стран мира родилось от 8000 до 12 000 (по разным подсчетам) детей с врожденными дефектами, обусловленными тем, что матери принимали талидомид во время беременности.

– Это... неестественно.

Фергессон недовольно взглянул на него.

– Послушай, не вздумай хоть как-то насмеяться над мальчишкой. Если я поймаю тебя, или кого-то еще из продавцов, или вообще любого из моих работников...

– Понятно, – пробормотал Стюарт.

– Тебе скучно, – сказал Фергессон, – а скука – это плохо, потому что она означает, что тебе не приходится напрягаться в полной мере; ты расслаблен и тратишь мое время впустую. Если бы ты усердно работал, у тебя не было бы времени стоять, опираясь на метлу, и посмеиваться над несчастными больными, идущими к врачу. Я запрещаю тебе впредь стоять на улице; если поймаю тебя за этим – уволю.

– О Христос, как же мне приходиться на работу, уходить домой и обедать? Да просто как в магазин-то войти? Через стену?

– Можешь приходить и уходить, – решил Фергессон, – но не слоняйся перед дверью.

Стюарт Маккончи уныло посмотрел ему в спину и заявил в попытке вялого протеста:

– Ну, это вообще!

Фергессон принялся включать телевизоры и расставлять таблички, не обращая ни малейшего внимания на демарш своего продавца.

Глава 2

Фокомелус Хоппи Харрингтон ежедневно подкатывал к «Современным телевизорам. Продажа и обслуживание» обычно около одиннадцати утра. Как правило, он въезжал в магазин, останавливал свое кресло-коляску у прилавка, и если там оказывался Джим Фергессон, то спрашивал разрешения спуститься вниз и посмотреть на работу двух мастеров, ремонтирующих телевизоры. Ну а если Фергессона не оказывалось на месте, Хоппи сдавался и через некоторое время уезжал, так как знал, что продавцы не позволят ему спуститься в мастерскую; они просто смеялись над ним, не говоря ни да, ни нет. Он не брал это в голову. Или, по крайней мере, Стюарт Маккончи считал, что не брал это в голову.

На самом деле, понял Стюарт, он не понимал Хоппи, обладавшего твердым лицом с яркими глазами и торопливой нервной речью, которая часто переходила в заикание. Он не понимал его *психологически*. С чего Хоппи так приспичило чинить телевизоры? Что в этом такого замечательного? Глядя на то, как фок постоянно ошивался там, можно было подумать, что это самое возвышенное призвание из всех возможных. На самом деле ремонтные работы были тяжелыми, грязными и оплачивались не слишком хорошо. Но Хоппи страстно желал стать мастером по ремонту телевизоров, и теперь ему это удалось, потому что Фергессон был полон ре-

шимости поступать правильно по отношению ко всем меньшинствам в мире. Фергессон был членом Американского союза защиты гражданских свобод, НАСПЦН⁴ и Лиги помощи инвалидам – последняя, насколько мог судить Стюарт, была не чем иным, как лоббистской группой международного масштаба, созданной для продвижения льготных коек для всех жертв современной медицины и науки, таких как множество людей, пострадавших от катастрофы Блутгельда в 1972 году.

«И кто же, в таком случае, я? – спрашивал себя Стюарт, сидя наверху в офисе магазина и просматривая свою книгу продаж. – Я имею в виду, – думал он, – что раз здесь работает еще и фок, то получается, пожалуй, что я нечто вроде жертвы радиации, как будто темный цвет кожи – это своего рода ранняя форма радиационного ожога». Думая об этом, он постепенно мрачнел.

В давние времена, думал он, все люди на Земле были белыми, а потом, тысяч этак десять тому назад, какой-то козел вонючий взорвал высотную бомбу, некоторых из нас обожгло, и это осталось навсегда и закрепилось в генах. Так и живем.

Джек Лайтхейзер, еще один продавец, вошел в магазин, сел за стол напротив Стюарта и закурил сигару «Корона».

– Я слышал, что Джим нанял того мальчишку, что ездит в инвалидном кресле, – сказал он. – Знаешь, зачем он это сде-

⁴ Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

лал? Ради шумихи. Об этом напишут все сан-францисские газеты. Джим любит читать свое имя в газетах. Если подумавши, так это хитрый ход. Первый торговец Восточного побережья, взявший на работу фока.

Стюарт хмыкнул.

– У Джима идеализированное представление о самом себе, – продолжал Лайтхейзер. – Он ведь не просто торговец, он современный римлянин, государственный ум. В конце концов, он просто образованный человек – у него магистерский диплом Стэнфорда.

– Сейчас это уже ничего не значит, – возразил Стюарт. Он сам получил в 1975 году магистерский диплом Калифорнийского университета, и что ему это дало?

– Когда он учился, значило, – сказал Лайтхейзер. – Он, как-никак, закончил в 1947-м, прошел по Солдатскому биллю⁵.

Под ними в главном входе в «Современные телевизоры» появилось инвалидное кресло-коляска, в которой сидела перед панелью управления хрупкая фигурка. Стюарт негромко застонал, и Лайтхейзер взглянул на него.

– Он просто обуза, – сказал Стюарт.

⁵ «Солдатский билль о правах» 1944 г. – ряд законов об обеспечении солдат, демобилизованных после войны, предусматривавший финансирование медицинского обслуживания, санаторного лечения и образования для ветеранов, включал выплату займа в 4 тыс. долларов на покупку дома, фермы и иной собственности, пособие в размере 20 долларов в неделю сроком на один год для безработных ветеранов, а также другие виды вспомоществования.

– Он не будет обузой, когда начнет работать, – сказал Лайтхейзер. – У парнишки одни мозги, тела, считай, и нет вовсе. У него мощный ум и вдобавок амбиции. Помилуй Бог, ему всего семнадцать, и он стремится работать, оставить школу и работать. Это потрясающе.

Они сидели и наблюдали за Хоппи на тележке. Хоппи направлялся к лестнице, спускавшейся в ремонтную мастерскую.

– А парни внизу уже знают? – спросил Стюарт.

– О, конечно. Джим сказал им вечером. Они отнеслись к этому философски; ты же знаешь ремонтников – жаловались, но это ничего не значит. Они все время на что-то жалуются.

Услышав голоса продавцов, Хоппи бросил на них острый взгляд. Обратив к ним худое усталое лицо, он произнес, заикаясь:

– Эй, скажите, мистер Фергессон здесь?

– Не-а, – буркнул Стюарт.

– Мистер Фергессон взял меня на работу, – сказал фок.

– Угу, – буркнул Стюарт. Ни он, ни Лайтхейзер не пошевелились, так и сидели за столом, глядя на фока сверху вниз.

– Можно мне спуститься? – спросил Хоппи.

Лайтхейзер пожал плечами.

– Пойду выпью чашечку кофе, – сказал Стюарт, поднимаясь на ноги. – Вернусь через десять минут; присмотри за магазином, ладно?

– Будь спокоен, – ответил, кивнув, Лайтхейзер и пыхнул сигарным дымом.

Подойдя к входной двери, Стюарт увидел, что фок еще там – он еще не приступил к трудному спуску в подвал.

– Дух семьдесят второго, – бросил Стюарт, проходя мимо коляски.

Фок покраснел и пробормотал:

– Я родился в шестьдесят четвертом; это никак не связано со взрывом. – Когда Стюарт уже шагнул из двери на тротуар, фок взволнованно крикнул ему вслед: – Это снотворное, талидомид. Это всем известно.

Стюарт, ничего не ответив на это, направился в кофейню.

Фокомелусу было очень непросто попасть на коляске по лестнице в подвал, где работали за своими верстаками ремонтники, но после продолжительных стараний, непрерывно перехватывая перила механическими манипуляторами, заботливо предоставленными правительством США, он все же смог спуститься. Манипуляторы вообще-то были не такими уж хорошими; конструкцию разработали много лет назад, а его техника не только изрядно поработала, но и – как он знал из текущей литературы по теме – устарела. Теоретически правительство, согласно акту Ремингтона, должно было заменить ему кресло со всем оборудованием на более современную модель, и он написал об этом старшему сенатору от Калифорнии Альфу М. Партлэнду. Пока что ответа

не последовало. Но он был терпелив. Он много раз по многим вопросам писал конгрессменам и получал ответы или с большим опозданием, или в виде типографских бланков с готовым текстом, а зачастую ответов вовсе не было.

Однако в этом случае закон был на стороне Хоппи Харрингтона, и теперь нужно было лишь время, чтобы добавить кого-нибудь, в чьей власти выдать ему положенное. Он воспринимал это мрачно – терпеливо и мрачно. Они были обязаны помочь ему, хотели они того или нет. Этому его научил отец, разводивший овец на ранчо в долине Сономы: научил его всегда требовать того, что ему положено.

За дверью гроыхнула музыка. Ремонтники занимались своим делом. Хоппи чуть помедлил, открыл дверь и оказался перед двумя мужчинами, сидевшими за длинным столом, заваленным инструментами, приборами со стрелками и циферблатами и телевизорами, разобранными в той или иной степени. Ремонтники не сразу заметили его.

– Послушай, – вдруг совершенно неожиданно сказал один из них. – Ручную работу многие презирают. Почему бы тебе не заняться чем-нибудь умственным? Мог бы вернуться в школу и получить диплом. – Ремонтник поднял голову и вопросительно взглянул на него.

«Нет, – подумал Хоппи. – Я хочу работать... своими руками».

– Мог бы стать ученым, – добавил второй ремонтник, не отвлекаясь от работы – он прозванивал цепь вольтметром.

– Как Блутгельд, – сказал Хоппи.

Мастер хохотнул с сочувственным пониманием.

– Мистер Фергессон сказал, что вы дадите мне какую-нибудь работу, – сказал Хоппи. – Для начала какой-нибудь простой ремонт. Да? – Он умолк, опасаясь, что ему не ответят, но тут один из мастеров показал на проигрыватель-автомат. – Что с ним случилось? – спросил Хоппи, рассматривая накладную. – Я справлюсь, я знаю.

– Пружина чейнджера⁶ сломалась, – ответил один из мастеров. – Не затыкается после последней записи.

– Понятно, – сказал Хоппи. Он взял чейнджер манипуляторами и откатился к дальнему концу верстака, где имелось свободное место. – Я тут расположусь. – Возражений не последовало, и он взял пассатижи. Это просто, думал он. Я практиковался дома. Он сосредоточился на механизме, но все же краем глаза поглядывал на мастеров. Я много практиковался, у меня почти всегда получалось, и с каждым разом все лучше. Все более предсказуемо. Пружинка маленькая, думал он, очень маленькая. Такая легкая, что ее можно дыханием сдуть. Я вижу, где в тебе надлом, думал он. Молекулы металла не соприкасаются между собой, как следовало бы. Он сосредоточился на поврежденном месте, держа детальку пассатижами так, чтобы ближайший из мастеров ее не видел, и притворялся, будто тянет пружину, пытаясь снять ее.

⁶ Чейнджер – механическое устройство для автоматической замены воспроизводимых на проигрывателе грампластинок.

Завершая работу, он почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной и смотрит; повернувшись, он увидел Джима Фергессона. Хозяин магазина стоял молча, сунув руки в карманы и со странным выражением на лице.

– Все готово, – нервно сказал Хоппи.

– Дай-ка посмотрю, – отозвался Фергессон. Он взял чейнджер и поднял его поближе к свету люминесцентных ламп.

«Он видел? – гадал Хоппи. – Он понял, а если да, то что он подумал? Встревожит ли это его и есть ли ему до этого вообще дело? Он... испугался?»

Фергессон молча рассматривал чейнджер.

– Где ты взял новую пружину? – вдруг спросил он.

– Прямо здесь нашел, – не задумываясь, ответил Хоппи.

Все в порядке. Фергессон, если и видел, то не понял. Фокомелус расслабился и почувствовал прилив радости, почувствовал огромное удовольствие, сменившее тревогу. Он улыбнулся мастерам и посмотрел по сторонам в поисках следующей работы.

Фергессон сказал:

– Тебе не мешает, когда на тебя смотрят?

– Нет, – ответил Хоппи. – Пусть смотрят, кто захочет. Я знаю, что не такой как все. На меня смотрят с самого рождения.

– Я имел в виду: когда ты работаешь.

– Нет, – сказал он, и (в его ушах) собственный голос прозвучал громко, может быть, даже слишком громко. – Перед

тем как у меня появилась коляска, – сказал он, – перед тем как правительство хоть что-то мне дало, отец носил меня на спине вроде как в рюкзаке. Как индейцы. – Он неуверенно засмеялся.

– Понимаю, – сказал Фергессон.

– Это было в Сономе, – сказал Хоппи. – Там я вырос. Мы держали овец. Однажды баран боднул меня, и я взлетел в воздух. Как мяч. – Он снова засмеялся; оба мастера молча смотрели на него, оторвавшись от работы.

– Поспорить готов, – сказал один из них после паузы, – что ты упал на землю и покатился.

– Да, – со смехом ответил Хоппи. И тогда засмеялись уже все: он сам, и Фергессон, и два мастера-ремонтника; они представили себе, как это выглядело, как Хоппи Харрингтон, семи лет от роду, без рук и ног, только торс и голова, катился по земле, воя от страха и боли, – но это было смешно, и он это знал. Он рассказал о том случае так, чтобы было смешно, он постарался.

– Теперь на своей коляске ты управляешься куда лучше, – сказал Фергессон.

– О да, – согласился он. – И я конструирую новую, по собственному проекту, электронную; я прочитал статью об электронике под управлением мозга, которую используют в Швейцарии и Германии. Они подключают провода прямо к двигательным центрам мозга, так что задержек просто нет, движения даже быстрее, чем... чем при обычной физиоло-

гической структуре. – Он начал было говорить «чем у человека». – Я за пару лет доведу ее до ума, – сказал он. – И она будет лучше даже швейцарских моделей. И тогда я смогу выбросить это казенное барахло.

Фергессон сказал торжественным официальным тоном:

– Я восхищаюсь силой твоего духа.

Хоппи снова рассмеялся и сказал, заикаясь:

– С-спасибо, мистер Ф-фер-гессон.

Один из мастеров подал ему многоканальный FM-тюнер.

– Тут настройка плавает. Посмотри, в чем дело.

– Хорошо, – ответил Хоппи и взял аппарат металлическими манипуляторами. – Это я точно сделаю. Я, дома еще, много чего настраивал, я умею. – Эту работу он считал самой простой из всех возможных, для нее даже не нужно было концентрировать внимание. Можно было подумать, что ее придумали специально для него и его возможностей.

Заглянув в календарь, висевший на стене кухни, Бонни Келлер обнаружила, что сегодня ее друг Бруно Блутгельд должен посетить рекомендованного ею психиатра, доктора Стокстилла, принимающего в Беркли. Вернее, он наверняка уже побывал у Стокстилла и завершил первый час терапии. Сейчас он, скорее всего, едет обратно в Ливермор, в свой кабинет в Радиационной лаборатории, той лаборатории, где она когда-то работала до тех пор, пока не забеременела. Там, еще в 1975 году, она и познакомилась с доктором Блутгель-

дом. Теперь ей сравнялся тридцать один год, она жила в Вест-Марине, ее муж служил заместителем директора местной начальной школы, и она была очень счастлива.

Ну, не *очень* счастлива. Умеренно – терпимо – счастлива. Она по-прежнему сама проходила психоанализ – теперь раз в неделю, а не три раза – и во многих отношениях поняла себя, свои бессознательные побуждения и паратактические систематические искажения реальной ситуации. За шесть лет психоанализ изрядно помог ей, но она не излечилась. На самом деле такого понятия, как исцеление, не существовало – «болезнью» была сама жизнь, и постоянный рост (или скорее жизнеспособная адаптация к росту) должен был продолжаться, иначе это привело бы к психическому застою.

Она была решительно настроена не допустить застоя. В данный момент она читала «Закат Европы» в оригинале, по-немецки, уже одолела пятьдесят страниц, и оно того стоило. А кто еще из ее знакомых читал эту книгу хотя бы в английском переводе?

Интерес к немецкой культуре и ее литературе пробудился много лет назад благодаря контакту с доктором Блутгельдом. К тому же она провела в Германии три года, когда училась в колледже, но не воспринимала немецкий язык неотъемлемой частью своей взрослой жизни; как и многое другое из того, что она старательно учила, он отошел в область бессознательного, как только она получила диплом и стала работать. Магнетический эффект присутствия рядом Блутгель-

да пробудил и развил многие интересы ее студенческих лет, любовь к музыке и изобразительному искусству... она многим была обязана Блутгельду и питала к нему благодарность.

Теперь, конечно, Блутгельд был болен; об этом знали почти все в Ливерморе. У этого человека была обостренная совесть, и он постоянно страдал из-за ошибки 1972 года, которая, как знали все, кто работал в Ливерморе в те дни, не была его личной виной, и ему не следовало целиком брать ее на себя, но он сам решил взвалить на себя это бремя и из-за этого заболел, и с каждым годом ему становилось все хуже.

В ошибочные расчеты – ошибочные не с точки зрения объема знаний, доступных в 1972 году, а с точки зрения реальной ситуации – было вовлечено множество квалифицированных специалистов, использовавших самую совершенную аппаратуру, самые передовые компьютеры того времени. Огромные массы радиоактивных облаков не рассеялись, а были притянуты гравитационным полем Земли и вернулись в атмосферу; никто не удивился этому сильнее, чем сотрудники Ливерморского университета. Теперь, конечно, слой Джеймисона-Френча изучили досконально; доходчиво объяснить, что пошло не так и почему, смогли даже такие далекие от науки журналы, как «Тайм» и «Ю-Эс ньюс». Но это произошло девять лет спустя.

Подумав о слое Джеймисона-Френча, Бонни вспомнила о том, что чуть не пропустила важное событие. Она сразу же подошла к телевизору в гостиной и включила его. Уже запу-

стили? – подумала она, взглянув на часы. Нет, еще полчаса, не меньше. Экран осветился, и, конечно же, на нем были ракета и стартовая башня, персонал, грузовики, снаряжение; она определенно все еще находилась на земле, и, по всей вероятности, Уолтер Дэнджерфилд и миссис Дэнджерфилд даже не поднялись на борт.

«Первая семейная пара, эмигрирующая на Марс», – насмешливо сказала она себе, пытаясь представить, что же может ощущать сейчас Лидия Дэнджерфилд, рослая блондинка, знающая, что у них не более шестидесяти процентов вероятности достигнуть Марса. Их ожидало великолепное оборудование, обширный расчищенный участок и сооружения, ну и что с того, что они сгорят по пути? В любом случае это должно было произвести впечатление на Советский блок, которому не удалось основать свою колонию на Луне; русские быстренько задохнулись или умерли от голода – никто точно не знал. В любом случае колония исчезла. Исчезла из истории так же таинственно, как и появилась.

Мысль о том, что НАСА отправит всего лишь пару, одного мужчину и его жену, а не целую группу, ужасала ее; она инстинктивно чувствовала, что организаторы, отказавшись от случайной выборки кандидатов, прямо-таки нарываються на неудачу. Несколько человек должны были бы лететь из Нью-Йорка, несколько – из Калифорнии, думала она, наблюдая на экране телевизора за техниками, проводящими последние проверки ракеты. Как это называется? Перестраховка? Как

бы там ни было, не следует класть все яйца в одну корзину... И все же НАСА всегда поступало именно так: с самого начала по одному астронавту зараз и много рекламы. Когда в далеком 1967 году Генри Ченселлор сгорел на своей космической платформе, весь мир наблюдал за этим по телевизору в ужасе и горе, конечно, но тем не менее публике это показали. И реакция публики отбросила освоение космоса Западом на пять лет.

– Как вы видите, – мягко, но энергично произнес комментатор Эн-би-си, – подготовка завершена. С минуты на минуту мы ждем появления мистера и миссис Дэнджерфилд. Давайте просто из любопытства перечислим только самые важные подготовительные работы, проведенные для обеспечения...

«Болтун, – сказала себе Бонни Келлер и, поежившись, выключила телевизор. – Не могу я на это смотреть».

С другой стороны, что еще делать? Просто сидеть и кусать ногти еще шесть часов – нет, две недели? Единственный выход – *не* вспоминать, что сегодня день изгнания Первой четы. Впрочем, уже поздно не вспоминать это.

Ей нравилось думать о них как о *первой чете*, о персонажах сентиментальной старомодной научно-фантастической повести. Очередные Адам и Ева, если не считать того, что, конечно, Уолт Дэнджерфилд с его ироничным, язвительным остроумием, с его резкой, почти циничной манерой говорить, выступая перед журналистами, не годился в Адамы, он

больше походил на последнего, а не первого мужчину. Бонни восхищалась им; Дэнджерфилд не был ни уличным шалопаем, ни коротко стриженным молодым блондином, автоматически выполняющим новейшую задачу ВВС. Уолт был вполне реальной персоной, и можно было не сомневаться, что у НАСА имелись все основания выбрать его. Его гены... они, вероятно, были до отказа набиты четырехтысячелетней культурой, наследием человечества, заложенным прямо в них. Уолт и Лидия станут родоначальниками Nova Terra... По Марсу будет разгуливать множество утонченных маленьких Дэнджерфилдов, ведущих интеллектуальные беседы и в то же время обладающих той забавной ноткой явного джазового мировосприятия, которая была присуща Дэнджерфилду.

«Представьте себе длинное шоссе, – как-то сказал Дэнджерфилд в интервью, отвечая на вопрос репортера об опасностях путешествия. – Миллион миль по десятиполосной автостраде без встречных, без медлительных грузовиков. Четыре утра... На дороге только твоя машина, и больше ничего. Как говорится, тишь да гладь». И все это с доброй улыбкой.

Бонни наклонилась и снова включила телевизор.

И на экране появился круглолицый, в очках Уолт Дэнджерфилд, одетый в космический скафандр, только еще без шлема, и рядом с ним Лидия. Уолт отвечал на вопросы, а она стояла молча.

– Я слышал, – растягивая слова, произнес Уолт, двигая челюстью, словно обдумывая вопрос, прежде чем ответить, – что в Бойсе, штат Айдахо, обо мне беспокоится одна МДС. – Он поднял взгляд, когда кто-то в дальнем конце зала повторил: «МДС?» Уолт сказал на это: – Так великий, ныне покойный Херб Каен⁷ называл Маленьких Добрых Старушек. Хоть одна такая найдется всегда и везде. Возможно, она уже есть и на Марсе, и мы будем жить через улицу. Как бы то ни было, эта женщина из Бойсе, насколько я понимаю, несколько переживает за нас с Лидией, боится, как бы с нами чего-нибудь не случилось. Поэтому она прислала нам талисман на удачу. – Он продемонстрировал его, неуклюже держа толстыми пальцами перчаток скафандра. Репортеры восхищенно загомонили. – Мило, не правда ли? – сказал Дэн-джерфилд. – Я вам скажу, для чего он нужен: он помогает от ревматизма. – Репортеры рассмеялись. – На тот случай, если мы заболеем ревматизмом, пока будем на Марсе. Или от подагры? Нет, кажется, все-таки от подагры... что она написала в письме? – Он взглянул на жену. – От подагры, да?

«Наверное, – подумала Бонни, – амулетов, защищающих от метеоритов или радиации, не делают». Ей стало грустно, как будто ее посетило дурное предчувствие. Или это просто потому, что сегодня Бруно Блутгельд должен был посетить психиатра? И отсюда печальные мысли – мысли о смерти, радиации, ошибках в расчетах и ужасной, нескончаемой бо-

⁷ Херб Каен (1916–1997) – американский журналист (Сан-Франциско).

лезни.

«Не верю, что Бруно сделался параноидальным шизофреником, — сказала она себе. — У него всего лишь ухудшилось состояние, и при надлежащей психиатрической помощи — принимать таблетки какое-то время, только и всего — с ним все будет в порядке. Это не дефект характера, не стрессовое обострение психопатии, а проявление эндокринного расстройства; с такими вещами сейчас творят чудеса. Хотя откуда мне знать, — мрачно подумала она. — Ведь Бруно сидел вот тут и рассказывал нам с Джорджем о том, как «они» отравили его питьевую воду, и мы далеко не сразу поняли, насколько он болен... Он просто казался подавленным».

Сейчас она явственно представляла себе Бруно с рецептом на какую-нибудь таблетку, стимулирующую кору головного мозга или подавляющую работу промежуточного мозга, в общем, на современный западный аналог знаменитой китайской фитотерапии, который быстро подействует и изменит метаболизм мозга Бруно, рассеивая галлюцинации, как паутину. И все снова будет хорошо, и они втроем — она сама, Джордж и Бруно — станут устраивать свои, как они это называли, концерты Вест-Маринского барочного ансамбля блокфлейт и по вечерам играть Баха и Генделя... Все как в старые добрые времена. Две деревянные шварцвальдские блокфлейты (подлинные), и она аккомпанирует на пианино. Дом, наполненный старинной барочной музыкой, запахом домашнего хлеба, и бутылка «Буэна виста» из старейшей винодель-

ни Калифорнии...

Уолт Дэнджерфилд на экране саркастически ухмылялся и казался похожим на что-то среднее между Вольтером и Уиллом Роджерсом⁸.

— О да, — говорил он журналистке, на голове которой красовалась до смешного большая шляпа. — Мы рассчитываем открыть на Марсе много неизвестных пока что форм жизни. — И, уставившись на ее шляпу, сообщил: — Впрочем, одну уже, кажется, нашли. — И журналисты опять расхохотались. — Полагаю, оно движется, — добавил Дэнджерфилд, указывая на шляпу своей молчаливой спокойной жене. — Оно пришло за нами, до-рогая.

«Он действительно любит ее, — поняла Бонни, глядя на них. — Интересно, Джордж когда-нибудь испытывал ко мне такое же чувство, как Дэнджерфилд — к своей жене? Честно говоря, сомневаюсь. Если бы любил, то не допустил бы, чтоб я сделала те два аборта». У нее сделалось еще тоскливее на душе; она встала, перешла на другое место и села спиной к телевизору.

«Им нужно было послать на Марс Джорджа, — с горечью думала она. — А еще лучше нас всех — Джорджа, меня и Дэнджерфилдов. Джордж мог бы закрутить интрижку с Лидией Дэнджерфилд — если он способен на это, — а я спала бы с Уолтом; я была бы вполне очень даже неплохой партнершей

⁸ Уильям Пенн Эдер Роджерс (1879–1935) — американский актер-комик и журналист.

в этом грандиозном приключении. А что – нет? Вот бы что-нибудь случилось! – сказала она себе. – Вот бы Бруно позволил и сказал, что доктор Стокстилл вылечил его, или Дэнджерфилд вдруг отменил бы свой полет перед самым стартом, или китайцы начали бы Третью мировую войну, или Джордж разорвал бы свой ужасный контракт со школьным советом, как обещал. Хоть что-нибудь. Может быть, – подумала она, – мне стоит достать гончарный круг и вернуться к так называемому творчеству, или к анальным играм, или хотя бы к чему-нибудь. Я могла бы сделать непристойный горшок. Придумать форму, обжечь в печи у Вайолет Клатт и продать в Сан-Ансельмо в «Креэтив артворкс, инк.», в том самом заведении для светских дам, где в прошлом году отказались от моей паяной бижутерии. Я точно знаю, что они примут непристойный горшок, если это будет *хороший* непристойный горшок».

Перед витриной «Современных телевизоров», где был выставлен большой цветной стереотелевизор, собралась небольшая толпа; старт полета Дэнджерфилдов показывали американцам по всем каналам, и они смотрели кто дома, кто на работе. Стюарт Маккончи стоял, скрестив руки на груди, в задних рядах толпы и тоже смотрел.

– Призрак Джона Л. Льюиса⁹, – сухо говорил Уолт Дэн-

⁹ Джон Луэллин Льюис (1880–1969) – американский профсоюзный лидер и политик.

джерфилд, – оценил бы истинное значение оплаты непроизводительного времени... Если бы не он, то, по всей вероятности, мне заплатили за это путешествие долларов пять на том основании, что моя работа фактически не начнется, пока не доберусь туда. – На его лице уже не было прежнего азарта; пришло время им с Лидией входить в корабль. – Просто запомните... если с нами что-то случится, если мы потеряемся, не отправляйтесь нас искать. Оставайтесь дома. Я уверен, что мы с Лидией где-нибудь да появимся.

– Счастливого пути! – наперебой затараторили журналисты вслед Дэнджерфилдам, которые под конвоем чиновников и технарей НАСА уходили из поля зрения камер.

– Уже скоро, – сказал Стюарт Лайтхейзеру, который тоже вышел из магазина и стоял рядом.

– Дурак он, что подписался на это дело, – отозвался Лайтхейзер, пожевывая зубочистку. – Он уже не вернется, а они и не скрывают этого.

– А с чего бы он мог хотеть вернуться? – сказал Стюарт. – Что тут хорошего? – Он завидовал Уолту Дэнджерфилду и хотел, чтобы это он, Стюарт Маккончи, стоял там перед телекамерами на виду всего мира.

На верхней площадке лестницы появился Хоппи Харрингтон в своей коляске и целеустремленно поехал вперед.

– Его уже запустили? – поспешно, нервным голосом спросил он у Стюарта, глядя на экран. – Он же сгорит, будет так же, как в шестьдесят пятом. Я, конечно, этого не помню,

но...

— Заткнись, а... — почти ласково сказал Лайтхейзер, и фокомелус, зардевшись, умолк. Потом они смотрели, каждый с какими-то своими мыслями и реакциями, как на экране телевизора от носового обтекателя ракеты в подвесной люльке отъезжала последняя проверочная группа. Ракету заправили, проверили, сейчас должен был начаться обратный отсчет, и вот два человека входят в ракету. Стоявшие перед телевизором зашевелились и стали перешептываться.

В тот же день, немного позже, где-то вскоре после полудня их ожидание будет вознаграждено, потому что «Голландец IV» оторвется от Земли, выйдет на орбиту, пробудет на ней час с небольшим, а люди все так же будут стоять перед телеэкраном и смотреть, как ракета мчится вокруг планеты, и в конце концов решение будет принято, и кто-то далеко внизу, в бункере, включит последнюю ступень, и ракета на орбите изменит траекторию и расстанется с миром. Они уже видели такое прежде, каждый раз все выглядело почти так же, но этот раз был особенным, потому что эти люди никогда не вернутся. И происходившее вполне заслуживало того, чтобы провести весь день перед экраном; людская толпа готова была ждать.

Стюарт Маккончи решил, что пришло время ланча. Перекусит, а потом вернется и будет смотреть дальше вместе со всеми остальными. Сегодня он мало что сделает, а может, и вовсе ничего не сделает, и не продаст ни одного телевизора.

Но ведь происходящее гораздо важнее. Этого нельзя пропустить. Ведь когда-нибудь и я смогу попасть туда, сказал он себе, может быть, я эмигрирую позже, когда накоплю достаточно, чтобы жениться; тогда возьму жену, детей и начну новую жизнь там, на Марсе, где к тому времени сложится действительно хорошая колония, не только машины.

Он представил себя в кабине ракеты, как и Уолт Дэнджерфилд, пристегнутым рядом с женщиной чрезвычайной физической привлекательности. Пионеры, он и она, основывающие новую цивилизацию на новой планете. Но тут у него в животе забурчало, и он понял, насколько голоден. Откладывать далее ланч было нельзя.

Еще когда он стоял и глядел на телеэкран, показывавший громадную ракету, его мысли крутились вокруг супа, булочек, говяжьего жаркого и яблочного пирога с мороженым, которые подают в «Лучшей еде от Фреда».

Глава 3

Стюарт Маккончи почти ежедневно ходил есть в одно и то же кафе неподалеку от «Современных телевизоров». Сегодня, войдя в «Лучшую еду от Фреда», он почувствовал раздражение, увидев в глубине зала коляску Хоппи Харрингтона, и в ней сидел Хоппи и ел свой ланч, ел совершенно естественно и непринужденно, как будто очень часто бывал здесь. Вот же черт, подумал Стюарт, он выигрывает, фоки выигрывают. А я даже не заметил, как он выбрался из магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.